

репетировал Алик Аксельрод, между прочим, один из изобретателей КВН в нашей стране и по совместительству блестящий врач-реаниматолог... Помнится, он кричал ей: «Дикция! Дикция!», ибо вместо поэтической реплики «Здесь будет песня!» ему слышалась невразумительная буквенная каша «Добудепеся!».

Мы все смеялись, и Лена с нами... Вообще она была вечно улыбающаяся, и никто из нас тогда не мог подозревать, что рядом с нами будущий серьезнейший ученый с мировым именем.

Горько сознавать, что Елены Сергеевны с две тысячи четырнадцатого года нет с нами... Но артистизм ее натуры сказался в ее же исследовательской деятельности архаики и чудес языка. Вся Сибирь обязана Лене за ее интеллектуальное подвижничество. К примеру, она умела войти в психологию медведя как подобия человека. И вот слова Лены, которые меня поразили:

«У кетов и селькупов медведь – не просто “тоже человек”, он родственник совершенно конкретных людей, который по собственному желанию пришел к нам в гости. Это существа, относящиеся одновременно и к “своему”, и к “чужому” миру».

Прекрасно то, что не только я, но и многие писатели от Аксакова до Шварца благодарно закивали бы Лене в ответ.

Марк Розовский

Верному другу и человеку

Очень трудно говорить о Елене Сергеевне, Леночке, в прошедшем времени. Привыкнуть к этому так и не удалось. Что-то происходит – и в голове возникает: надо Лене позвонить.

Познакомились мы в 1980 г., когда я, работая в группе музыкальной социологии Союза композиторов Москвы, оказалась по каким-то делам на Воротниковском и впервые встретила со своими будущими коллегами, в том числе с Леной, а с 1983 по 1989 г. мы работали, как говорится, «бок о бок» в аппарате Всесоюзной фольклорной комиссии Союза композиторов СССР.

Руководил комиссией Э.Е. Алексеев (1937–2021) – под «крылом» Т.Н. Хренникова. Человек талантливый, творческий, харизматичный, «фонтанирующий» интересными и часто, казалось бы, нереализуемыми идеями. Но, как ни странно, особенно учитывая специфику 70-х и 80-х, многое удавалось сделать.

Поскольку организация была общественной, то никакого административного аппарата ей не полагалось и мы, как тогда это называлось, были «незабудками», т.е. не теми, кем числились.

Приписаны были к Бюро пропаганды советской музыки в официальном статусе Фольклорной редакции и соответственно назывались редакторами. Руководил «редакцией» Болеслав Исаакович Рабинович (1930–2010) – известный музыковед-фольклорист и один из ведущих специалистов по творчеству П.И. Чайковского. Он был безусловным авторитетом не только в сообществе музыковедов-фольклористов и академических музыковедов, но и в гуманитарной среде в целом за энциклопедическую образованность, феноменальную память, доброжелательность и абсолютную готовность помочь всем и всегда.

Следующей по рангу у нас была должность научного редактора, на которой в полном соответствии находилась Наталия Евгеньевна Ржавинская: классный эксперт в области музыкального фольклора и фольклористики в понимании ее как междисциплинарной науки. Характер ее деятельности практически не отличался от двух других редакторов: Елены Сергеевны и, с 1983 г., меня. Все мы вели организационно-научную деятельность, распределенную по направлениям.

В зону полной ответственности Лены с самого начала входили отчетно-экспедиционные сессии и собственно ею созданное направление «Фольклор на экране», которое в середине 80-х, с «благословения» тандема Вяч.Вс. Иванова и Л. Мери, переименовали в «Визуальную антропологию» согласно веяниям времени. Еще у нас был чисто технический сотрудник, отвечавший за аппаратуру и выполнявший отдельные поручения начальства. Такой вот командой мы работали с фольклористами всех союзных республик. С легкой руки известного латышского музыковеда и фольклориста Арнольда Клотыньша, мы получили прозвище «комиссары».

К моменту моего прихода в комиссию численность ее составляла порядка 230 человек по картотеке. Кроме фольклористов-музыковедов, туда входили филологи, лингвисты, этнографы, специалисты по народному театру и прикладному искусству, киноведы, режиссеры-документалисты, визуальные антропологи, специалисты по хореографии, социологи, преподаватели разных учебных заведений и т. д. Мне уже трудно вспомнить и перечислить по профессиям людей, сотрудничавших в то время с нами. Решения о том, чем конкретно мы будем заниматься и какие организовывать научные мероприятия, решало Бюро, состоявшее из глав Фольклорных комиссий Республиканских союзов композиторов и наиболее авторитетных членов комиссии, которые на встречах обсуждали и утверждали подготовленные «редакцией» планы.

Елена Сергеевна работала в комиссии практически с ее основания в 1972 г. Попала она туда совершенно случайно – от безыс-

ходности. Пятый пункт лишал ее возможности выбора. Уволенная из одного престижного издательства, она не могла найти работу, и по чистой случайности то ли дальний родственник, то ли кто-то из неближних знакомых (точно не знаю) смог предложить ей это место. Союз композиторов, к счастью, не болел антисемитизмом.

Честно говоря, не могу сказать, что это было ее жизненной неудачей или потерей времени. Более того, не уверена, что ее путь ученого сложился бы так плодотворно, как сложился, если бы она не оказалась в комиссии. Случилась то, что случилось: она попала в уникальное место для того времени и, собственно, для нашего тоже. Несмотря на жесткое время, у нас царила демократия не в извращенном ее виде, а в форме полного уважительного равноправия и свободы действий. В нашем маленьком коллективе царила дружественная обстановка взаимопонимания и поддержки. Правда, это не исключало бурных и «зажигательных» дискуссий на рабочие темы, в которых спуску не давалось никому, включая наше начальство. Чего не было никогда, так это перехода на личности или хоть малейшей озлобленности. Смотреть на «кипящую» очень добрую Лену иногда было даже смешно. Ей, как и всем нам, часто приходилось вступать в весьма темпераментные дебаты с коллегами по поводу того или иного (как теперь говорят) проекта. После завершения боя мы пили чай и мирно беседовали на самые разные темы.

Должна сказать, что работа в комиссии не только стимулировала, но и давала возможность серьезного профессионального роста. Она сильно расширяла наши горизонты и благодаря небольшим, но стабильным финансовым возможностям. В рамках предусмотренных Союзом композиторов СССР средств ежегодно составлялась смета, в которую закладывались расходы на проведение научных мероприятий (которые осуществлялись комиссией не только в Москве и тогда хотя бы частично оплачивались местными отделениями Союза), оплату необходимых профессиональных командировок как членам комиссии, так и нашему «аппарату». Полагаю, что очень большую роль в становлении Елены Сергеевны как высочайшего профессионала сыграла возможность участвовать в сибирских экспедициях, оплата которых тоже была «осмечена»: даже в те времена это было делом весьма затратным, тем не менее доступным очень удачно сложившейся группе: Э.Е. Алексеев, Е.С. Новик и латышский оператор и кинорежиссер-документалист Андрис Слапиньш (1949–1991). Трудно переоценить их совместную работу, а фильм «Времена сновидений» (в изначальном варианте), на мой взгляд, до сих пор остается непревзойденным шедевром.

О комиссии пока написано немного¹ и жаль, что она еще не имеет своего историка. Уверена, что этот уникальный опыт, в котором традиционное знание рука об руку шло с постоянным удивительным творческим экспериментом, повторить невозможно. Сошлись многие обстоятельства, воспроизвести которые сегодня совершенно нереально.

Когда в 1989 г. Лена перешла на работу в Институт этнографии, мы не перестали общаться и дружить. Мы «проросли» друг другом. Мне как-то даже не приходило в голову думать, почему так получилось. Уверена, что и ей тоже. Просто так произошло.

Последний раз Леночка звонила мне 27 апреля.

Евгения Андреева

Любить чужую культуру

С Еленой Сергеевной меня познакомила Серафима Евгеньевна Никитина; до этого я знала Новик заочно как автора и редактора замечательных книг.

В январе 1987 г. я впервые приехала по приглашению Елены Сергеевны к ней домой на Грузинский Вал. Лифт привез меня на последний этаж, и в проеме дверей показалась, застенчиво улыбаясь, красивая женщина, похожая на актрису (позже я узнала, что мать Елены Сергеевны была артисткой театра). Так мы познакомились.

Я очутилась в комнате, стены которой сверху донизу были в книжных стеллажах, у окна – письменный стол с печатной машинкой и рукописями; в самом воздухе, казалось, витал дух напряженной интеллектуальной жизни.

Долго беседуем на кухоньке, где хозяйка успевает колдовать над кофе: она была большим любителем и ценителем этого напитка. Взгляд ее, устремленный на меня будто из глубины, приглашал к беседе, она расспрашивает меня о Якутии, рассказывает о своих полевых экспедициях по улусам республики, мы находим общих знакомых. Глаза у Елены Сергеевны удивительно ласковые – я испытываю и стеснение, и радость.

С книгами – одна интереснее другой! – у нее какая-то особая тесная связь. «Раньше, – замечает Елена Сергеевна, – не глядя про-

¹ См. публикацию к 40-летию Комиссии: *Алексеев Э., Новик Е.* Все-союзная фольклорная... URL: sakhaopenworld.org/alekseyev/document4.html (дата обращения 27 мая 2021).